

УДК 811.161.1

DOI: 10.26907/2782-4756-2025-81-3-38-46

НОВЫЕ СВЕРХСЛОВНЫЕ ЯЗЫКОВЫЕ ЕДИНИЦЫ КАК ОБЪЕКТ ЛИНГВИСТИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ

© Денис Новиков

NEW SUPERWORD LANGUAGE UNITS AS AN OBJECT OF LINGUISTIC RESEARCH

Denis Novikov

The article considers superword linguistic units (SU) as integral elements of the Russian language system. Emphasizing the importance of military SU, arising as a result of social, political events and armed conflicts of the late 20th and early 21st centuries, the article focuses on the phenomenon of neologization, which is becoming more active in the context of digitalization in an aggravated international situation. The study shows that neologisms not only enrich language, but also perform specific cognitive functions in military discourse. The SU that emerged in this type of discourse are divided into groups depending on their semantics, stylistic coloring and functional features. The neologisms under study can be divided into thematic groups: *new names for military strategies and tactics of organization and maneuvering; neologisms naming types of weapons and vehicles used in armed conflicts; names for post-conflict settlement*, etc. We have identified more than two hundred substantive and procedural military neologisms and analyzed them using comparative-historical, linguoculturological and linguocognitive research methods, involving the techniques of component and contextual analysis.

Keywords: superlative linguistic units, morphological units, military discourse, Russian language, neology, neography

В статье рассматриваются сверхсловные языковые единицы (СЕ) как неотъемлемые элементы русской языковой системы. Подчеркивая значимость СЕ военной тематики, возникающих в результате социальных, политических событий и вооруженных конфликтов конца XX – начала XXI века, автор уделяет особое внимание феномену неологизации, активизирующейся в условиях цифровизации при обострившейся международной обстановке. Исследование показывает, что СЕ-неологизмы не только обогащают язык, но и выполняют специфические когнитивные функции в военном дискурсе. СЕ, возникшие в данном типе дискурса, делятся на группы в зависимости от семантики, стилистической окраски и функциональных особенностей. Исследованные нами СЕ-неологизмы можно разделить на тематические группы: *новые наименования для обозначения военных стратегий и тактик организации и маневрирования; СЕ-неологизмы, называющие виды оружия и средства передвижения, использовавшиеся в вооруженных конфликтах; сверхсловные наименования постконфликтного урегулирования* и др. При анализе предметных и процессуальных СЕ-неологизмов военной тематики, которых было выявлено более двухсот, автор использует сравнительно-исторический, лингвокультурологический и лингвокогнитивный методы исследования с привлечением приемов компонентного и контекстуального анализа.

Ключевые слова: сверхсловные языковые единицы, СЕ-неологизмы, военный дискурс, русский язык, неология, неография

Для цитирования: Новиков Д. Новые сверхсловные языковые единицы как объект лингвистического исследования // Филология и культура. Philology and Culture. 2025. № 3 (81). С. 38–46.
DOI: 10.26907/2782-4756-2025-81-3-38-46

Введение

Последняя треть XX и первые два десятилетия XXI века характеризуются обновлением корпусов сверхсловных единиц во всех славянских языках, в том числе и русском. Этот процесс свя-

зан с цифровизацией и глобализацией, что усиливает заимствования из языков стран, которые занимают лидирующую позицию в развитии информационных технологий. Неологизация корпуса сверхсловных единиц в русском и других

славянских языках не могла не привлечь внимания лингвистов. Анализ достижений славистики в данном направлении представлен в монографии «Проблемы русско-болгарской фразеологической неографии» [1], а конкретные результаты описания русских неофразем отражены в специализированных словарях [2], [3], [4], [5], [6], [7].

Первой значимой работой в этом направлении стал труд В. М. Мокиенко «Новая русская фразеология», опубликованный в 2003 году [3]. В 2021 году вышел «Русско-болгарский словарь фразеологических неологизмов» [5], а также был опубликован «Словарь русского языка корона-вирусной эпохи», куда включен «Словарь ковидных русских антипословиц-карантинок» Х. Вальтера и В. М. Мокиенко [6]. Эти работы свидетельствуют о том, что за счет калек и прямых заимствований обогатились многие тематические блоки русской системы сверхсловных языковых единиц.

Сверхсловные языковые единицы (далее – СЕ) представляют собой пласт языковой системы, элементы которой далеко не всегда укладываются в рамки традиционных фразеологических классификаций и терминологических обозначений. Эти языковые единицы, состоящие из двух или более слов, характеризующиеся разнообразием значений и синтаксического оформления, функционируют как единое целое в коммуникативном процессе. К СЕ относятся не только идиомы, фразеологические единства и фразеологические сочетания (по терминологии В. В. Виноградова [8]) типа *груз 200, груз 300, дать ответку, работать на передке*, но и сверхсловные устойчивые единицы других типов, значение которых может и не быть образным или переносным, например, *специальная военная операция, минские соглашения, дроновая атака* и пр. Среди неологизмов конца XX – первой четверти текущего столетия таких единиц немало, и они, наряду с идиомами, фразеологическими единствами и фразеологическими сочетаниями, отражают важные для носителей языка процессы, влияющие на их образ жизни и мировоззрение.

Важно отметить, что часто СЕ не просто объединяют несколько слов в одну языковую единицу, но и формируют новые значения, которые невозможно вывести из составляющих их компонентов. Это делает их изучение особенно актуальным для современной лингвистики, поскольку они отражают динамические процессы в языке.

В рамках данного исследования проведен анализ структурных особенностей СЕ, их функ-

циональной роли в военном дискурсе и влияния на процессы коммуникации. Особое внимание уделяется механизмам формирования СЕ-неологизмов, их семантической эволюции и pragматическим функциям в различных контекстах. Такой подход позволяет не только понять природу сверхсловных единиц, но и выявить их значимость для развития языковой системы в целом.

Основная часть

1. Предыстория изучения сверхсловных языковых единиц

История изучения СЕ представляет собой процесс, охватывающий широкий спектр дисциплин, включая лингвистику, психолингвистику, когнитивистику и философию языка. Сверхсловные единицы выходят за рамки традиционного анализа слова и его морфемной структуры, охватывая такие феномены, как словосочетания, фразовые конструкции, идиоматические выражения.

Изучение этих единиц имеет исторические корни, уходящие в древность, однако их систематическое изучение и глубокое теоретическое осмысление стало возможным лишь в XX веке, когда лингвистика расширила свои возможности благодаря интегративным подходам и междисциплинарным исследованиям. В этот период было сформировано представление о сверхсловных единицах как о комплексных структурах, обладающих специфическими синтаксическими и семантическими свойствами.

В контексте диахронического анализа развития научных концепций относительно интересующих нас языковых единиц, находящихся за пределами лексического уровня, можно констатировать, что одним из первых подходов к их изучению стали работы античных философов. Платон и Аристотель в своих фундаментальных трудах заложили основы для анализа языка и его структуры, исследуя семантические и синтаксические механизмы, посредством которых слова и их комбинации способны передавать сложное концептуальное содержание. Однако в рамках античной парадигмы основное внимание уделялось преимущественно лексическим единицам и их семантике, в то время как более сложные конструкции оставались за рамками работ древних ученых [9, с. 239]. В период Средневековья наблюдается повышенный интерес к исследованию языковых структур, выходящих за рамки отдельных слов. Лингвисты того времени стремились к пониманию механизмов формирования фраз и предложений с целью достижения эффективной коммуникации. Тем не менее, несмотря на значительные достижения в области анализа языковых явлений, систем-

ный подход к исследованию СЕ на тот момент не был сформирован.

В XIX веке лингвистика начинает оформляться как самостоятельная научная дисциплина, что ознаменовало собой важный этап в развитии гуманитарных наук. Как отмечает П. Н. Барышников: «<...> вычленение лингвистики в отдельную сферу знания <...> связано с выработкой эволюционного взгляда на язык» [10, с. 51]. В этот период Фердинанд де Соссюр внес значительный вклад в понимание языковых систем и их структур. Он предложил концепцию знака, который, как он писал, состоит из означающего и означаемого, что стало фундаментальной основой для дальнейшего развития семиотики и структурной лингвистики [11, с. 100]. Его подход позволил осмысливать функционирование языковых единиц, выявить их взаимосвязь и взаимозависимость. Он акцентировал внимание на том, что язык представляет собой систему, в которой значения слов определяются их контекстуальными и системными отношениями. Это открытие привело к признанию существования устойчивых выражений и фраз, функционирующих по особым правилам, не всегда подчиняющимся стандартным моделям.

В XX веке, ознаменовавшемся бурным развитием структурной лингвистики и семиотического анализа, наблюдается значительное повышение научного интереса к исследованию сверхсловесных языковых единиц. В этот период ведущие отечественные лингвисты (В. В. Виноградов, Б. А. Ларин, Г. А. Селиванов, В. Л. Архангельский, Л. Я. Костючук, Р. Н. Попов, В. М. Мокиенко, В. Н. Телия и др.) приступили к системному изучению механизмов структурирования и функционирования языковых конструкций. Их работы заложили основу для дальнейших исследований в области фразеологии.

Одним из ключевых достижений этого времени стало выявление уникальных семантических характеристик фразеологических единиц и устойчивых выражений, которые не могут быть адекватно интерпретированы на основе значений отдельных их компонентов. Это открытие стало важным этапом в формировании современных представлений о том, как подобные сверхсловесные языковые структуры влияют на восприятие и интерпретацию информации в дискурсивных практиках.

В конце XX – начале XXI века внимание к сверхсловесным языковым единицам стало еще более выраженным. Изучение СЕ предполагает комплексное изучение как семантических, так и прагматических функций этих единиц, их структурных особенностей, исторического развития,

межкультурных различий и когнитивных возможностей, что позволяет понять их роль в языковой системе и коммуникации.

Исследование сверхсловесных языковых единиц представляет собой процесс, охватывающий широкий спектр научных дисциплин и методологических подходов. Этот процесс, начиная с античной философской традиции и заканчивая современными лингвистическими теориями, характеризуется непрерывным развитием и эволюцией, открывающими новые горизонты для понимания природы языка. СЕ, являясь весомым элементом языковой системы, продолжают оставаться объектом интенсивных научных исследований и дискуссий, что подтверждает их значимость в условиях существования национальных языков при функционировании всемирной коммуникационной системы.

Комплексное исследование избранного пласта СЕ-неологизмов необходимо для всестороннего понимания их происхождения, значения, употребления и влияния на язык. Это поможет: 1) определить источники возникновения СЕ-неологизмов военной тематики; 2) определить значение новых выражений; 3) понять, как СЕ-неологизмы встраиваются в систему языка и какие изменения вносят в нее; 4) проследить динамику распространения СЕ-неологизмов и их популярность среди носителей языка; 5) разработать методы фиксации и описания новых выражений для включения в словарь.

2. Типы СЕ военной тематики

Сверхсловесные языковые единицы с функционально-сintаксических позиций представляют собой различные типы конструкций: словосочетания и предложения, которые играют ключевую роль в формировании дискурсивных и коммуникативных стратегий. С точки зрения состава и связей между компонентами выявленные нами СЕ-неологизмы военной тематики делятся на: 1) устойчивые словосочетания, компоненты которых связаны при помощи подчинительной связи (*линия Суровкина, натовские вояки, топтать войну, война нового поколения*); 2) сочетания самостоятельных и служебных слов (за / над «ленточкой»); 3) устойчивые объединения слов, эквивалентные предложениям (*Война – дело молодых; Афганистан болит в моей душе*).

Вслед за В. Л. Архангельским [12], Н. М. Шансским [13], С. Г. Гавриным [14], [15], В. М. Мокиенко [16], С. Г. Шулежковой [17] и другими исследователями мы считаем, что дифференциальными признаками сверхсловесной языковой единицы, которые реализуют широкий взгляд на объект фразеологии, являются: 1) раздельнооформленность (они состоят из двух и более компонентов словного характера, связанных

между собой по грамматическим законам данного языка); 2) воспроизводимость (они не создаются в процессе общения, а воспроизводятся как готовые целостные единицы); 3) устойчивость компонентного состава и грамматической структуры (не исключающей вариантности); 4) стабильность, постоянство семантики, закрепленной за данным оборотом в языковом узусе, не исключающей вариативности в определенных пределах [18, с. 213].

Устойчивость сверхсловной языковой единицы является необходимым условием ее воспроизводимости. Первые замечания об этой закономерности можно найти еще в «Курсе общей лингвистики» Ф. де Соссюра [11, с. 156–157], а впоследствии – в работах В. В. Виноградова: «Самый факт устойчивости и семантической ограниченности фразеологических сочетаний говорит о том, что в живом употреблении они используются как готовые фразеологические единицы – воспроизводимые, а не вновь организуемые в процессе речи» [8, с. 362].

Воспроизводимость – это систематическое повторение языковых единиц различной степени сложности, отличающих СЕ от свободных сочетаний слов, в том числе тех, чья фразеологическая устойчивость обусловлена ограниченной семантической валентностью одного из слов (*черный тюльпан*). Для человека, ничего не знающего об Афганской войне (1979–1989 гг.), словосочетание *черный тюльпан* – это красивый цветок необычного цвета. Но для воинов-афганцев оно стало знаком тяжелой утраты. Поэтомуное прозвище «*черный тюльпан*» они дали армейскому транспортному самолету АН-12, перевозчику *груза 200* [19, с. 31]. Фразеологи, исследуя структурно-функциональные особенности языковых единиц, полагают, что существует обратно пропорциональная зависимость между устойчивостью и вариативностью, а именно: увеличение степени устойчивости сверхсловной языковой единицы неизбежно приводит к снижению способности ее варьирования. Об этом писал и В. Л. Архангельский: «Степень устойчивости ФЕ зависит от степени вариантности ФЕ, а степень вариантности ФЕ – прежде всего от вида внутренней зависимости между членами ФЕ. Эти зависимости определяют члены ФЕ как постоянные и переменные на разных уровнях русской языковой структуры и создают ограничения в выборе переменных. Таким образом, устойчивость ФЕ основана на совокупности ограничений (в выборе переменных), не свойственных ее свободному эквиваленту» [12, с. 120]. Устойчивость СЕ заключается в семантической спаянности и неразложимости компонентов, не исключающей вариантности. СЕ с целостным немотивирован-

ным значением характеризуются большей устойчивостью, чем единицы с целостным мотивированным значением.

Учитывая вышеизложенное, а также принимая во внимание методологический принцип, согласно которому «целесообразно двигаться не от термина к объекту исследования <...> а от языковой материи к термину» [20, с. 115], в качестве рабочего определения для объекта нашего исследования мы выбрали термин «сверхсловные языковые единицы». Данный подход позволяет нам осмыслить структурные и функциональные особенности исследуемых языковых феноменов, а также их роль в системе языка и речи. Сверхсловные языковые единицы – это конструкции из двух и более слов, самостоятельных или служебных, объединенных семантическими и синтаксическими связями, которые обладают постоянством семантики, воспроизводимостью и устойчивостью лексического состава и грамматической формы при допустимом варьировании в определенных пределах, выполняющих те или иные коммуникативные функции.

Классификация СЕ, как правило, основывается на семантико-грамматических особенностях языка и специфике исследовательского материала. В отечественной лингвистике проблематика классификации СЕ интенсивно разрабатывалась рядом выдающихся ученых.

Первые наблюдения над семантико-грамматическими характеристиками устойчивых сочетаний слов были проведены такими лингвистами, как А. А. Шахматов, Ф. Ф. Фортунаров, И. И. Срезневский и А. А. Потебня. В советский и постсоветский периоды значительный вклад в развитие фразеологии внесли В. В. Виноградов, Т. Г. Винокур, В. Л. Архангельский, Н. Н. Амосова, В. Г. Гак, В. П. Жуков, А. В. Кунин, А. И. Молотков, И. А. Мельчуц, А. Г. Назарян, Р. Н. Попов, Л. И. Ройзензон, А. И. Смирницкий, В. Н. Телия, И. И. Чернышева и Д. Н. Шмелев. Их труды заложили основу для систематизации СЕ и анализа семантико-грамматических их свойств.

В рамках лингвистической типологии СЕ военной тематики можно классифицировать по различным признакам, отражающим их структурные, функциональные и семантические особенности. В соответствии с семантико-грамматическим принципом СЕ можно разделить на два типа: *предикативные* и *непредикативные*.

Под *предикативными* мы понимаем СЕ, содержащие предикат, который устанавливает связь между субъектом и объектом действия или состояния (*Афганистан болит в моей душе*; *«Сармат» – наследник / потомок «Сатаны»*).

Подобные СЕ в речи функционируют как самостоятельные предложения, так как они «грамматически оформленные по законам данного языка, целостные (т. е. неделимые далее на речевые единицы с теми же основными структурными признаками) единицы, являющиеся главным средством формирования, выражения и сообщения мысли» [21, с. 204].

Непредикативные СЕ могут 1) состоять из двух или более знаменательных слов, связанных либо подчинительной, либо сочинительной, либо подчинительно-соинительной связью; кроме того, некоторые СЕ представляют собой 2) сочетания знаменательного и служебного слов.

В первую группу входят:

а) предметные (номинативные) – СЕ, служащие наименованиями объектов, явлений, лиц или абстрактных понятий (*афганский синдром, барражирующий боеприпас, беспилотный летательный аппарат, война до последнего украинца, интернациональный долг, киевский режим, критическая инфраструктура, минная война, частичная мобилизация, черная вдова, черный тюльпан*);

б) процессуальные – СЕ, выражающие отношения, связанные с действием или процессом (*дать ответку, объявить джихад, очистить Чечню, работать на передке*).

Под *предметностью* в языкоznании понимают способность слов и выражений обозначать предметы, явления, объекты и понятия, которые существуют в реальном мире или мыслятся как существующие. Предметные единицы выполняют номинативную функцию, то есть называют конкретные предметы, абстрактные понятия, лица, места и т. д. Они являются основой для формирования представлений о мире и его категоризации. *Процессуальность* – это способность языковых единиц обозначать действие, процессы, состояния и изменения. Процессуальные единицы выражают динамику, развитие и изменение во времени, они описывают действия, которые могут быть выполнены субъектами или проходить независимо от них.

Предметных СЕ в языке преимущественно большинство, так как возникают они в результате появления новых технологий, научных открытий, культурных явлений и других факторов. Предметные СЕ, более стабильные и понятные, в контексте формирования языковой системы и культурных норм обладают более высокой степенью когнитивной доступности. Осязаемые объекты и понятия, которые они обозначают, легче воспринимаются и запоминаются, что способствует их более быстрому включению в активный словарный запас носителей языка. В от-

личие от них, процессуальные СЕ характеризуют действия и состояния, а потому, как правило, требуют более сложного когнитивного анализа, что замедляет их интеграцию в языковую систему, особенно в условиях стремительного развития языка.

Таким образом, доминирование предметных СЕ можно объяснить несколькими факторами: когнитивной доступностью, потребностью в точной номинации новых объектов и явлений, а также функциональными особенностями языка, требующими стабильных и понятных единиц для эффективного взаимодействия между носителями языка.

Кроме представленных выше признаков, учитываемых при классификации сверхсловных языковых единиц, следует отметить также критерии типологизации СЕ в зависимости от целей и задач, которые ставит перед собой исследователь. Так, при необходимости можно учитывать: 1) степень устойчивости СЕ; 2) способ их образования; 3) грамматическую оформленность; 4) количество компонентов и тип связи между компонентами; 5) стилистическую окраску и др.

Таким образом, типология сверхсловных языковых единиц представляет собой многоуровневую систему, учитывающую особенности их структуры, семантики, функции и употребления, что позволяет всесторонне исследовать эти языковые образования.

3. СЕ-неологизмы военной тематики последних трех десятилетий

Пополнение словарного состава является одним из важных процессов в развитии языка. За последние десятилетия состояние русского языка серьезно изменилось. Современный лексико-фразеологический состав – результат симбиоза экстра- и внутрилингвистических факторов. Данный процесс неразрывно связан с внутренними и внешними политическими и военными событиями.

История каждого государства характеризуется наличием множества военных конфликтов: внешние, возникающие между двумя и более странами, и внутренние, включающие государственные перевороты, революции и гражданские войны. Современная Российская Федерация не понаслышке знакома с трагическими событиями прошлых лет, когда страна столкнулась как с многочисленными испытаниями, связанными с агрессией со стороны других государств, так и с политическими протестами внутри страны. В историографии вооруженные конфликты рубежа XX–XXI вв., в которых принимали участие Вооруженные силы РФ, получали официальные названия в зависимости от территории, врем-

мени и способа ведения боевых действий и их целей: война в Южной Осетии (1991–1992); Войненный переворот и гражданская война в Грузии (1991–1993); контртеррористические операции в Чеченской Республике и на прилегающих к ней территориях Российской Федерации. Но чаще их называют СЕ-неологизмами: *Афганская война* (1979–1989); *Первая Чеченская* (1994–1996) и *Вторая Чеченская* (1999–2009); *Война в Грузии* (2008); *Военная операция в Сирии* (2015–2024); *Специальная военная операция* (2022–2025).

Эпоха цифровизации и глобализации оказала значительное влияние на названия боевых действий и их восприятие народом России и мировой общественностью. Благодаря развитию СМИ и сети Интернет появилась возможность оперативно знакомиться с вооруженными конфликтами, происходящими за пределами России. Это способствует тому, что СЕ-неологизмы, проникая в русский язык, в картину мира граждан РФ, остаются в языковой системе и не воспринимаются как чуждые. К таким вооруженным конфликтам можно отнести: Конфликт между Газой и Израилем (1948–2025); Первую Нагорно-Карабахскую войну (1988–1994); Ирано-израильский конфликт во время гражданской войны в Сирии (2013–2024); Американское вмешательство в гражданскую войну в Сирии (2014–2025); Нагорно-Карабахский конфликт (2016); Турецкую оккупацию северной Сирии (2016–2025); Вторую Нагорно-Карабахскую войну (2020); Китайско-тайваньский кризис (2022). Почти у каждого из этих событий в итоге появились краткие названия – СЕ-неологизмы.

Трагические события, повлиявшие на тысячи солдат и их семьи, оставили заметный след в фразеологическом фонде современного русского языка. СЕ-неологизмы, рожденные на рубеже XX–XXI вв., отражают мироощущение участников боевых действий, а их лингвистический анализ помогает объективно оценить итоги вооруженных столкновений.

Сверхсловные неологизмы, возникшие в контексте вооруженных конфликтов конца ХХ – начала ХХI века, представляют собой обороты, отражающие реалии данного периода. Исследованные нами СЕ-неологизмы можно разделить на 9 тематических групп:

1) СЕ-неологизмы, именующие вооруженные конфликты в России и за ее пределами в конце ХХ – начале ХХI века (*горячая точка, война Судного дня, неконвенциональная война, операция по принуждению к миру, пятидневная война, специальная военная операция, точечная контртеррористическая операция*);

2) новые наименования для обозначения военных стратегий и тактик организации и маневрирования (*авдеевская удавка, артемовское направление, дебальцевский котел, линия прикосновения, линия Суровикина, операция «Железные мечи», операция «Чистое поле», светлодарская дуга, украинское контрнаступление, херсонское направление*);

3) сверхсловные названия способов ведения боевых действий (*атака пейджерами, битва дронов / война дронов, масштабная провокация, объявить джихад, контрбатарейная дуэль, очистить Чечню*);

4) СЕ-именования участников вооруженных конфликтов (*ведьмы Бучи, генерал «Армагеддон», европейские кураторы, кровавый клоун, кровавый пастор, неонацистские формирования, ополченцы первой волны, охотники на караваны, фронтовая снегурочка, генерал-мясник*);

5) СЕ-неологизмы, называющие виды оружия и средства передвижения, использовавшиеся в вооруженных конфликтах (*боевая машина поддержки танков, высокоточное оружие, дроновый флот, грязные бомбы, дрон-беспилотник «Баба-Яга», железный купол, народный дрон, минный шлагбаум, особый химический пояс, ракетный дождь, ракетный листопад, самоходная гаубица 2С43 «Мальва», три топора (гаубица М777)*);

6) наименования последствий вооруженных конфликтов и их жертв (*антивоенный синдром, историческая амнезия, информационно-психологический терроризм, груз 200, груз 300*);

7) СЕ-неологизмы, возникшие в ходе политических переговоров конфликтующих сторон для достижения мира (*зерновая сделка, коллективный запад, минские соглашения, мирная конференция, саммит мира, саудовские соглашения, стамбульские принципы, формат «Рамштайн», формула мира, формула Зеленского, хасавюртовские соглашения*);

8) сверхсловные наименования постконфликтного урегулирования (*безъядерный статус Украины, буферная зона безопасности, денацификация Украины, демилитаризация Украины, санитарная зона, серая зона*);

9) военные девизы и мобилизационные слоганы (*Вашингтон, у нас проблемы!; Долг, Честь, Отвага!; Работайте, братья!; Родился орком, защищай мордор!; Сначала – провокации, потом – самолеты*).

Наблюдения за динамикой формирования сверхсловных неологизмов военной тематики конца ХХ – начала ХХI века демонстрируют, что фразеологический корпус русского языка активно пополняется не только за счет иноязычных заимствова-

ний, но и за счет продуктивного использования внутренних ресурсов национального языка. СЕ-неологизмы, возникшие в ответ на необходимость обозначения реалий вооруженных конфликтов, формируются по устоявшейся модели, ранее неоднократно апробированной в условиях военных конфликтов. Эта модель представляет собой структуру, состоящую из прилагательного и существительного, глагола и существительного, существительного / числительного и существительного. СЕ-неологизмы военной тематики в виде предложений составляют малочисленную группу по нескольким причинам: 1) сложность структуры; 2) функции и цели; 3) ограничения в коммуникации.

Исследование сверхсловных неологизмов (СЕ-неологизмов) конца XX – первой трети XXI века требует учета лингвистических и экстравербальных факторов: культурологических, геополитических, конфессиональных. Языковой статус каждого выражения должен быть подтвержден презентативным материалом, а его семантика и стилистическая окраска – примерами употребления.

Заключение

Сверхсловные языковые единицы представляют собой важный объект лингвистического изучения. Исторический обзор изучения сверхсловных единиц показывает эволюцию подходов лингвистов к этим феноменам. Лишь в XX веке лингвисты начали осознавать, что СЕ не только обогащают лексико-семантическую систему языка, но и служат важным когнитивным инструментом, отражающим специфику мышления и восприятия тех или иных событий носителями языка. Это привело к разработке новых методологических подходов и теоретических концепций, позволяющих исследовать природу СЕ и их роль в коммуникативных процессах.

Классификация сверхсловных языковых единиц, в частности СЕ-неологизмов военной тематики, основывается прежде всего на их функционально-сематических, тематических и стилистических свойствах, что позволяет систематизировать знания о данной категории языковых явлений. Такая классификация не только упорядочивает привлекаемый языковой материал, но и создает теоретическую базу для дальнейших исследований в данной области. Сравнительно-исторический и лингвокультурологический анализ СЕ открывает новые горизонты для понимания языковых и культурных инноваций, а также способствует развитию междисциплинарных исследований в лингвистике. Комбинирование различных аналитических подходов способствует комплексному изучению СЕ. Сверхсловные нео-

логизмы, рожденные в военном дискурсе, являются важным объектом исследования, который открывает новые горизонты для изучения языка и его связи с культурой и обществом.

Итак, сверхсловные языковые единицы представляют собой явление, требующее комплексного научного анализа. Эти единицы не только обогащают лексико-семантическую систему языка, но и играют важную роль в формировании культурных особенностей и коммуникативных практик.

Список источников

1. Проблемы русско-болгарской фразеологической неографии / С. Г. Шулежкова, Л. Н. Чурилина, С. И. Георгиева [и др.]. Магнитогорск: Магнитогорский государственный технический университет им. Г.И. Носова, 2021. 158 с.
2. Дайте миру шанс!: словарь современных политических лозунгов России и Германии / [русская часть: С. Г. Шулежкова, А. А. Осипова и др.; немецкая часть: Х. Вальтер, О. В. Михина]; под ред. С. Г. Шулежковой, А. А. Осиповой. Магнитогорск, Greifswald: Магнитогорский дом печати; Ernst-MoritzUniv., 2016. 300 с.
3. Мокиенко В. М. Новая русская фразеология. Opole: UniwersytetOpolski, 2003. 168 с.
4. Новые слова и значения: словарь-справочник по материалам прессы и литературы 90-х годов XX века: в 2 т. СПб.: Дмитрий Буланин, 2009–2014. 1389 с.
5. Русско-болгарский словарь фразеологических неологизмов конца XX – начала XXI века / С. Г. Шулежкова, Л. Н. Чурилина, О. Е. Чернова [и др.]. Магнитогорск: Магнитогорский государственный технический университет им. Г. И. Носова, 2021. 457 с.
6. Словарь русского языка коронавирусной эпохи: около 3500 слов / Институт лингвистических исследований; составитель: Х. Вальтер [и др.]. СПб.: Институт лингвистических исследований РАН, 2021. 548 с.
7. Цветные революции конца XX – начала XXI столетия: материалы к словарю / Исламия Абдрахимова, Ксения Барсукова, Мария Бебешко, Светлана Шулежкова (руководитель) [и др.]; Министерство науки и высшего образования Российской Федерации, Магнитогорский государственный технический университет им. Г. И. Носова. Магнитогорск: Магнитогорский гос. технический ун-т им. Г. И. Носова, 2020. 75 с.
8. Виноградов В. В. Об основных типах фразеологических единиц в русском языке // А. А. Шахматов. 1864–1920. Сб. статей и материалов. М., Л.: Издво АН СССР, 1947. С. 339–364.
9. Вдовиченко А. В. De principiis античной теории языка: объектность и логичность // Вестник ПСТГУ. Серия 1: Богословие. Философия. 2004. № 3. С. 226–240.
10. Барышников П. Н. Становление лингвистики как самостоятельной науки // Вестник Российского

- университета дружбы народов. Серия: Философия. 2009. № 3. С. 50–56.
11. *Соссюр Ф. де. Курс общей лингвистики // Труды по языкоznанию*. М.: Прогресс, 1977. С. 31–288.
 12. *Архангельский В. Л. Устойчивые фразы в современном русском языке: Основы теории устойчивых фраз и проблемы общей фразеологии*. Ростов-на-Дону: Изд-во Рост. ун-та, 1964. 315 с.
 13. *Шанский Н. М. Фразеология современного русского языка*. М.: Высшая школа, 1969. 230 с.
 14. *Гаврин С. Г. Вопросы лексико-семантического и грамматического анализа фразеологических единиц современного русского языка: на материале устойчивых метафорических сочетаний: дис... канд... филолог. наук*. Москва, 1962. 414 с.
 15. *Гаврин С. Г. Релевантные и факультативные свойства фразеологических единиц // Вопросы лексики, фразеологии и синтаксиса. Ученые записки Пермского гос. пед. института*. Пермь, 1974. С. 88–102.
 16. *Мокиенко В. М. Образы русской речи: историко-этимологические очерки фразеологии*. М.: Флинта: Наука, 2011. 461с.
 17. *Георгиева С., Шулежкова С. Г. Фразеологические инновации болгарского и русского языков в условиях глобализации (XX – начала XXI вв.) // Sprachwissenschaftliche Perspektiven der Bulgaristik. Standpunkte – Innovationen – Herausforderungen*. Berlin: Frank & Timme, 2020. С. 21–38.
 18. *Шулежкова С. Г., Михин А. Н. Проблемы со-поставительной русско-болгарской неографии // Теоретическая семантика и идеографическая лексикография: Словарь. Дискурс. Корпус: Материалы расширенного заседания (Всероссийского с международным участием) научного семинара проблемной группы «Русский глагол», посвященного 45-летию кафедры фундаментальной и прикладной лингвистики текстоведения (29–30 октября 2019 г., г. Екатеринбург, Россия)*. Екатеринбург: Кабинетный ученый, 2019. С. 209–218.
 19. *Новиков Д. А. Афганский синдром // Благословленны первые шаги...: Сборник работ молодых исследователей*. Магнитогорск: Магнитогорский государственный технический университет им. Г. И. Носова, 2019. С. 26–34.
 20. *Ройзензон Л. И. Русская фразеология: учебное пособие*. Самарканд: Изд-во СамГУ, 1977. 120 с.
 21. *Виноградов В. В. Основные вопросы синтаксиса предложения (на материале русского языка) // Введение в языкознание: хрестоматия*. М.: Аспект Пресс, 2000. С. 204–222.
- References
1. *Problemy russko-bolgarskoi frazeologicheskoi neografii* (2021) [Problems of Russian-Bulgarian Phraseological Neography]. 158 p. Magnitogorsk, Magnitogorskii gosudarstvennyi tehnicheskii universitet im. G. I. Nosova. (In Russian)
 2. *Daite miru shans!: slovar' sovremennoy politicheskikh lozungov Rossii i Germanii* (2016) [Give World a Chance! A Dictionary of Modern Political Slo-
 - gans of Russia and Germany]. 300 p. Magnitogorsk, Greifswald: Magnitogorskii dom pechatii; Ernst-MoritzUniv. (In Russian)
 3. Mokienko, V. M. (2003). *Novaya russkaya frazeologiya* [New Russian Phraseology]. 168 p. Opole, Uniwersytet Opolski. (In Russian)
 4. *Novye slova i znacheniya: slovar-spravochnik po materialam pressy i literatury 90-kh godov XX veka: v 2 t. (2009–2014)* [New Words and Meanings: A Dictionary-Guide to the Materials of the Press and Literature of the 1990s: In 2 Volumes]. 1389 p. St. Petersburg, Dmitrii Bulanin. (In Russian)
 5. *Russko-bolgarskii slovar frazeologicheskikh neologizmov kontsa XX– nachala XXI veka* (2021) [Russian-Bulgarian Dictionary of Phraseological Neologisms of the Late 20th–Early 21st Centuries]. 457 p. Magnitogorsk, Magnitogorskii gosudarstvennyi tehnicheskii universitet im. G. I. Nosova. (In Russian)
 6. *Slovar russkogo yazyka koronavirusnoi epokhi: okolo 3500 slov* (2021) [Dictionary of the Russian Language of the Coronavirus Era: About 3,500 Words]. 548 p. St. Petersburg, Institut lingvisticheskikh issledovanii RAN. (In Russian)
 7. *Tsvetnye revolyutsii kontsa XX – nachala XXI stoletiya: materialy k slovaryu* (2020) [Color Revolutions of the Late 20th–Early 21st Centuries: Materials for the Dictionary]. 75 p. Magnitogorsk, Magnitogorskii gos. tehnicheskii un-t im. G. I. Nosova. (In Russian)
 8. Vinogradov, V. V. (1947). *Ob osnovnykh tipakh frazeologicheskikh ediniti v russkom yazyke* [About the Main Types of Phraseological Units in the Russian Language]. A. A. Shakhmatov. 1864–1920. Sb. statei i materialov, pp. 339–364. Moscow, Leningrad, izd-vo AN SSSR. (In Russian)
 9. Vdovichenko, A. V. (2004). *De principiis antichnoi teorii yazyka: obektnost i logichnost* [De Principiis of the Ancient Theory of Language: Objectivity and Logic]. Vestnik PSTGU. Seriya 1: Bogoslovie. Filosofiya. No. 3, pp. 226–240. (In Russian)
 10. Baryshnikov, P. N. (2009). *Stanovlenie lingvistiki kak samostoyatelnou nauki* [The Formation of Linguistics as an Independent Science]. Vestnik Rossiiskogo universiteta druzhby narodov. Seriya: Filosofiya. No. 3, pp 50–56. (In Russian)
 11. Sossyur, F. de. (1977). *Kurs obshhei lingvistiki* [General Linguistics Course]. Trudy po yazykoznaniyu, pp. 31–288. Moscow, Progress. (In Russian)
 12. Arhangelskii, V. L. (1964). *Ustoichivye frazy v sovremennom russkom yazyke: Osnovy teorii ustoichiviykh fraz i problemy obshhei frazeologii* [Set Phrases in Modern Russian: Fundamentals of the Theory of Set Phrases and Problems of General Phraseology]. 315 p. Rostov-on-Don, Izd-vo Rost. un-ta. (In Russian)
 13. Shanskii, N. M. (1969). *Frazeologiya sovremenennogo russkogo yazyka* [Phraseology of the Modern Russian Language]. 230 p. Moscow, Vysshaya shkola. (In Russian)
 14. Gavrin, S. G. (1962). *Voprosy leksiko-semanticeskogo i grammaticeskogo analiza frazeologicheskikh ediniti sovremenennogo russkogo yazyka: na materiale ustoichiviykh metaforicheskikh sochetanii: dissertatsiya ... kandidata filologicheskikh nauk*

[Issues of Lexico-Semantic and Grammatical Analysis of Phraseological Units of the Modern Russian Language: Based on Set Metaphorical Combinations: Ph.D. Thesis]. Moscow, 414 p. (In Russian)

15. Gavrin, S. G. (1974). *Relevantnye i fakultativnye svoistva frazeologicheskikh edinits* [Relevant and Optional Properties of Phraseological Units]. Voprosy leksiki, frazeologii i sintaksisa. Uchenye zapiski Permskogo gos. ped. instituta, pp. 88–102. Perm. (In Russian)

16. Mokienko, V. M. (2011). *Obrazy russkoi rechi: istoriko-etimologicheskie ocherki frazeologii* [Images of Russian Speech: Historical and Etymological Essays on Phraseology]. 461 p. Moscow, Flinta, Nauka. (In Russian)

17. Georgieva, S., Shulezhkova, S. G. (2020). *Frazeologicheskie innovatsii bolgarskogo i russkogo jazykov v usloviyah globalizatsii (XX – nachala XXI vv.)* [Phraseological Innovations of the Bulgarian and Russian Languages in the Context of Globalization (the 20th–Early 21st Centuries)]. Sprachwissenschaftliche Perspektiven der Bulgaristik. Standpunkte – Innovationen – Herausforderungen. Pp. 21–38. Berlin, Frank & Timme. (In Russian)

18. Shulezhkova, S. G., Mikhin, A. N. (2019). *Problemy sopostavitel'noi russko-bolgarskoi neografi*

[Problems of Comparative Russian-Bulgarian Neography]. Teoreticheskaya semantika i ideograficheskaya leksikografiya: Slovar. Diskurs. Korpus: Materialy rasshirennogo zasedaniya (Vserossiiskogo s mezhdunarodnym uchastiem) nauchnogo seminara problemnoi gruppy “Russkii glagol”, posvyashennogo 45-letiyu kafedry fundamental'noi i prikladnoi lingvistiki tekstovedeniya (29–30 oktyabrya 2019 g., g. Ekaterinburg, Rossiya), pp. 209–218. Ekaterinburg, Kabinetnyi uchenyi. (In Russian)

19. Novikov, D. A. (2019). *Afganskii sindrom* [The Afghan Syndrome]. Blagoslovennye pervye shagi...: Sbornik rabot molodykh issledovatelei, pp. 26–34. Magnitogorsk, Magnitogorskii gosudarstvennyi tehnicheskii universitet im. G. I. Nosova. (In Russian)

20. Roizenzon, L. I. (1977). *Russkaya frazeologiya: uchebnoe posobie* [Russian Phraseology: A Textbook]. 120 p. Samarkand, izd-vo SamGU. (In Russian)

21. Vinogradov, V. V. (2000). *Osnovnye voprosy sintaksisa predlozheniya (na materiale russkogo jazyka)* [Basic Questions of Sentence Syntax (Based on the Russian Language)]. Vvedenie v yazykovedenie: khrestomatiya. Pp. 204–222. Moscow, Aspekt Press. (In Russian)

The article was submitted on 28.07.2025
Поступила в редакцию 28.07.2025

Новиков Денис Андреевич,
аспирант,
Магнитогорский государственный
технический университет им. Г. И. Носова,
455000, Россия, Магнитогорск,
пр. Ленина, 38.
denis.novikov.98@bk.ru

Novikov Denis Andreevich,
graduate student,
Magnitogorsk State Technical University named
after G. I. Nosov,
38 Lenin Ave.,
Magnitogorsk, 455000, Russian Federation.
denis.novikov.98@bk.ru